

ЧЕТЫРЕ СЛОВА

О ЛЮБОСТЯНАМИ,

сказанныя на пасхахъ въ теченіе великаго поста
(въ 1876 году).

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Прежде шести дней пасхи приде Иисусъ въ Виванію, идяже бѣ Лазарь умерый, его же воскреси отъ мертвыхъ. Сотвориши же ему вечерю ту, и Марѳа служаше: Лазарь же единъ бѣ отъ возлежащихъ съ нимъ. Марія же приемиши литру мѳры нарда истинна многочинна, помаза нозѣ Иисусовѣ, и отре власы своими нозѣ его: хранима же исполнися отъ вони масти благовонныя. Глагола же единъ отъ ученикъ его, Иуда Симоновъ Искариотскій, иже хотяше его предати: чесо ради мѳро сіе не продано бысть на трезъ стѣлъ пѣны, и дано нищимъ? Сіе же рече, не яко о нищихъ печашеся, но яко татѣ бѣ, и ковчежецъ имѣяше, и вметаема пошаше (Іоан. XII, 1—6).

Изъ словъ Евангелиста, только что повторенныхъ мною, предугадываетъ, полагаю, любовь ваша, куда моя рѣчь хочеть склонить ваше благочестивое вниманіе.

Мы хотимъ обратить ваше вниманіе на ту страсть, которая одного изъ апостоловъ, впоследствии ниспаднаго изъ лива апостольсваго, заставляла выражать открытое сожалѣніе о напрасной трагѣ драгоценнаго мѳра, возліяннаго на ноги Спасителя, или денегъ, употребленныхъ на это дѣло любви, заслужившее похвалу отъ Господа. Эта страсть — любостыжаніе: она заставляетъ насъ стремиться въ живыя, и обо-

гашенію, употреблять разныя средства къ умноженію имѣній и капиталовъ, какіе находятся въ нашемъ вѣдѣніи, и не знаетъ никакой грани, дойдя до которой человекъ могъ бы сказать: »довольно; больше мнѣ ничего не нужно.»

Можетъ быть, ваше благочестіе ожидаетъ въ настоящія минуты болѣе возвышенныхъ размышленій, и ваше благоговѣніе будетъ тяготиться тѣмъ, что мы въ часъ воспоминанія страстей Христовыхъ будемъ говорить о земномъ, а не о небесномъ, будемъ изображать не спасительныя страсти Христовы, а губительныя страсти человѣческія. Но ваше снисхожденіе проститъ намъ наше не безпричинное уклоненіе отъ вашихъ ожиданій. Уже вы слышали и еще нѣсколько разъ будете слышать исторію страстей Христовыхъ. И безъ участія нашего слова душа ваша полна священныхъ евангельскихъ воспоминаній. И въ короткій часъ, какой вы можете удѣлить нашей бесѣдѣ, намъ не измѣрить всей глубины божественной тайны, выразившейся въ искупительныхъ страданіяхъ Господа, не объять всей широты ея. Много сокровенныхъ силъ неба приготовили и устроили величайшее изъ событій, нынѣ нами воспоминаемое; много темныхъ силъ земли и ада обнаружили въ немъ свое дѣйствіе. Не пытаюсь объять своею мыслию всего сплетенія божественныхъ и человѣческихъ нитей въ этомъ событіи, мы принимаемъ мыслию къ одной силѣ, которая понуждала ученика Христова нынѣ сожалѣть о потерѣ драгоценнаго мѹра, на другой день идти къ первосвященникамъ и предлагать имъ: *что ми хотите дати. и азъ вамъ предамъ его* (Матѹ. XXVI, 15)? а на третій довела его до ужасной смерти и конечнаго отверженія.

Мы склоняемъ свое и ваше вниманіе къ этой темной силѣ потому, что видимъ въ современномъ поболѣніи признаки веумѣреннаго распространенія и преобладанія ея. Это наша общая болѣзнь, а къ больному мѣсту невольно чувствителенъ

человѣкъ, и нудится чаще обыкновеннаго говорить о томъ, что болитъ у него. Вы скажете: всегда была эта страсть въ человѣчествѣ, и никогда не умретъ она, пока живо грѣховное сердце человѣческое. Это правда; но развитіе ея, большее или меньшее ея распространеніе и господство видоизмѣняются по времени и обстоятельствамъ. Въ иное время люди служатъ одному идолу, въ другое время—другому; иногда одна страсть (напримѣръ стремленіе къ вольностямъ и необузданной свободѣ) подчиняетъ себѣ измѣнчивую волю человѣческую, другой разъ—другая. Нынѣ время положительнаго разсчета, матеріалистическихъ воззрѣній и матеріалистическихъ стремленій по преимуществу. Внѣшнія усовершенствованія по разнымъ отраслямъ человѣческой дѣятельности достигли высшей степени развитія; созданы удобства жизни, о какихъ и не мечтали наши дѣды; жгучія возбужденныя потребности и прихоти нашей природы, избалованной новыми жизненными удобствами, растутъ быстрѣе, чѣмъ средства удовлетворенія, и открывается всеобщая усиленная погоня за деньгами, какъ средствами къ удовлетворенію возбужденныхъ потребностей. При ней люди на всѣ вещи, явленія и пріобрѣтенія смотрятъ съ точки зрѣнія пользы и выгоды, и мѣрою внѣшней выгоды оцѣниваютъ достоинство всего, что подпадаетъ глазу человѣческому. Широка и необозрима область, въ которой призванъ трудиться богоподобный человѣкъ. По духу вѣка суживаетъ эту область и тираннически хочетъ заставить всѣхъ служить одной мамонѣ. Великія произведенія творческаго духа человѣческаго, составляющія славу вѣка и народа, въ наше время часто не находятъ себѣ признанія; потому что ни гроша не прибавляютъ къ тому богатству, ни капли къ тому матеріальному довольству, на которомъ помѣшанъ современный человѣкъ. То, чѣмъ восхищались, чѣмъ питали свою душу наши отцы, на нашихъ глазахъ современные судьи готовы равнять съ такими предметами, какъ наша

презрѣнная обувь и даже ставить ниже ихъ. Два десятилѣтія назадъ больше было простора для идеальныхъ возрѣвій и стремленій. Дѣятельность духа находила оцѣнку и признаніе себѣ не во имя внѣшней пользы отъ нея, а ради ея самой, по ея отношеніямъ къ высшимъ потребностямъ высшей природы: расчетъ не подчинялъ себѣ все и всѣхъ съ такою неодолимою силою, какъ нынѣ. Тогдашнее юношество, непримѣръ, увлекалось наукою прежде всего въ силу духовнаго значенія ея, и въ этомъ увлеченіи не видное мѣсто занимали соображенія о томъ, какъ великъ или какъ скуденъ будетъ матеріальный доходъ отъ того служенія, къ какому готовится наука и образованія. А нынѣ уже въ низшихъ школахъ полуразвившіяся дѣти мечтаютъ о доходной карьерѣ, и предназначаютъ себя къ такой отрасли знаній, которая сулитъ своимъ рабочимъ не разъясненіе глубокихъ вопросовъ жизни, даже не почести и славу, а сотни и тысячи рублей. Денежный расчетъ, расширяясь всюду, страшаетъ и гонитъ нынѣ съ своего насименнаго гнѣзда и святыню любви, благословляемой Богомъ. Въ нашемъ образованномъ обществѣ все рѣже и рѣже семейные союзы основываются на одной взаимной склонности двухъ лицъ, созданныхъ другъ для друга; для прочности союза ищутъ не человека, не друга, не его любви и преданности, а богатства и внѣшнихъ средствъ жизни и тотъ, по крайней мѣрѣ для большинства изъ насъ, показался бы несовременнымъ мечтателемъ, кто бы при избраніи семейнаго пути слѣдовалъ безкорыстному голосу сердечнаго чувства, въ надеждѣ на молодыя силы, способныя къ труду и промыслительную десницу Вышняго, не могущую оставить на произволъ случая благословляемою Имъ четоу. Молодости веселой, не озабоченной и улыбающейся нынѣ меньше, чѣмъ прежде: старческіе расчеты подтачиваютъ игривыя мечты бьющей чрезъ края жизни, и тлѣніемъ вѣютъ на цвѣтокъ, еще не усѣвшій распуститься. Если у каждаго человѣка долженъ

*

Быть пережить поэтический періодъ, то, въ наши годы, упоко-
лѣнія расчетливаго и корыстнаго онъ сократился до крайнихъ
размѣровъ. Мы не хотимъ винить наше юншество за его
корыстное направленіе. Мы сами невольники той страсти, кото-
рой вмѣстѣ съ нами и оно поддается. Мы сами его такъ вос-
питали, сами едва не съ колыбели напентываемъ ему грезы и же-
ланія, подсказываемыя намъ нашею любостязательностію. Что
дороже всего для насъ? Что ближе всего къ уму и сердцу
каждаго изъ насъ? Деньги, деньги и деньги. Надъ чѣмъ мы
болѣе всего напрягаемъ свою голову? Не надъ изысканіемъ ли
средствъ къ своему обогащенію? Какое самое завѣтное желаніе и
какая заманчивая надежда, то и дѣло, навѣщаютъ сердца на-
ши? Это желаніе внезапнаго обогащенія,—это надежда на
слѣпой случай, который, при нынѣшнемъ необычайномъ и
разнообразномъ развитіи денежныхъ предпріятій, безъ нашихъ
усилій, въ одинъ часъ можетъ доставить намъ цѣлыя сотни
тысячъ.

Намъ кажется болѣзненнымъ такое напряженное стремленіе
къ деньгамъ. Между тѣмъ на обыкновенный, нынѣ утвердив-
шійся, взглядъ нѣтъ ничего естественнѣе этого стремленія, и
забота о приобрѣтеніи себѣ большаго и большаго обезпеченія
одинъ изъ видовъ благоразумія житейскаго. Сама природа, го-
ворять, побуждаетъ насъ изыскивать средства къ удовлетво-
ренію нашихъ развивающихся стремленій. И если эти изыска-
нія увѣнчиваются успѣхомъ, мы покупаемъ себѣ или дѣлаемъ
доступными для себя высшія блага человѣческія, обезвечива-
емъ свое семейство, приобрѣтаемъ возможность доставлять дѣ-
тямъ широкое образованіе, и приближаемъ себя къ тѣмъ бла-
городнымъ наслажденіямъ, которыя возвышаютъ насъ надъ
грязью и нечистою, въ бакую по неволѣ впадаетъ бѣдный
люди. Это признаніе законности болѣзненнаго стремленія на-
шего новая причина къ тому, чтобы ближе присмотрѣтся къ нему.

Далѣе, другія страсти чловѣческія низки и неприглядны по самому существу своему. Возьмите зависть, злобную месть, распутство, пьянство. Такихъ страстей стыдятся тѣ, въ комъ гнѣздятся онѣ, и потому обладаемые ими стараются хоронити ихъ на днѣ души своей отъ глаза чловѣческаго. А страсть къ приобрѣтеніямъ стоитъ въ ряду обыкновенныхъ причыныхъ явленій нашей жизни. Съ нею нестыдно похвазаться среди самаго избраннаго общества; дѣйствіями, совершаемыми по ея требованію, даже хвалятся иные люди, какъ свидѣтельствомъ того, что они умѣютъ жить въ свѣтѣ и устроить свое благополучіе. Многимъ и на мысль не приходитъ, чгобы здѣсь было что-нибудь ложное и неправильное. Напротивъ въ наше время могло бы вызвать недоумѣніе и невыгодныя взгляды на чловѣка его равнодушіе къ деньгамъ и безразсчетная трата ихъ на дѣла, не обѣщающія видимой пользы, подобно тому, какъ вызвалъ недоумѣіе и укоръ въ разсчитливомъ ученикѣ Спасителя безкорыстный поступокъ Маріи.

Наонецъ, мы не чувствуемъ грѣховной и разрушительной силы этой страсти. У насъ бѣдность слыветъ матерію и причиною пороковъ, а деньги—двигателемъ нравственнаго усовершенствованія. Онѣ имѣютъ силу кругомъ разливать благодѣнія, и чловѣкъ, стремящійся, къ нимъ какъ будто простираетъ руки къ плодамъ древа жизни, а не къ плодамъ вскусительнаго древа познанія добра и зла. Съ презрѣніемъ или съ фарисейскимъ самоуслажденіемъ иной богатъ смотритъ на бѣдняка, какъ будто стоящаго надъ пропастью, а себя считаетъ далекимъ отъ всѣхъ опасныхъ путей и причисляетъ къ благодатнымъ обитателямъ земнаго рая. А между тѣмъ, по слову Апостола, *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (I Тим. VI, 10), и если деньги сами по себѣ вещь безразличная, то стремленіе къ нимъ лютой звѣрь, отъ котораго родится множество дикихъ чудовищъ. Это гангрена, незамѣтно заражающая все

существо человека, если онъ благовременно не обратитъ на нее вниманія.

Въ виду этого мы просимъ любовь вашу присмотрѣться къ этому гостю, который ходитъ между нами, и котораго всѣ наперерывъ зазываютъ и въ хижины и въ палаты. Откуда явился онъ? Кто онъ? И чего мы можемъ ожидать отъ него? Другими словами, мы приглашаемъ васъ, братіе, уяснить себѣ причины господства, видъ и слѣдствія страсти любостязанія, которая на глазахъ всѣхъ обращаетъ въ рабство себѣ людей разныхъ круговъ и сословій, и съ которою по крайней мѣрѣ многіе изъ насъ и не думаютъ бороться.

Было бы долго нынѣ же утомлять ваше вниманіе подробнымъ изслѣдованіемъ этого предмета, тѣмъ болѣе, что большинство изъ насъ, послѣ усиленной молитвы въ теченіе истекающей недѣли, готовится завтра приступить къ чашѣ Господней и требуетъ времени для освященія внутренней храмины души своей. Если будетъ благословеніе Божіе, управляющее нашими намѣреніями и поддерживающее силы наши, мы въ слѣдующія недѣли продолжимъ бесѣду съ вами, нынѣ начатую, и надѣемся, что при неоднократномъ обращеніи къ предмету, котораго мы рѣшились коснуться, если не наше слово, то ваше собственное размышленіе, возбуждаемое нашимъ словомъ, поможетъ вамъ уяснить то повсюдное явленіе, къ которому мы приглядѣлись, и мимо котораго проходимъ безъ всякаго вниманія. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Почто ибелъ сія мѣрная бысть? Можаше бо сіе продано быти вѣщше трехъ сотъ пѣназь, и датися нищимъ (Марк. XIV, 4—5).

Какое, по видному, справедливое и благоразумное представление! Жена, не отличающаяся особеннымъ богатствомъ, разбиваетъ алавастръ мѣра драгоценнаго и возливаетъ это мѣро на главу и ноги любимаго и высоко чтимаго ея Учителя! А мѣро это стоить болѣе 300 пѣназей! Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ эти 300 пѣназей употребить на чтонибудь полезное? Сколько нуждъ у каждаго изъ насъ! А если удовлетворены наши нужды, можно бы избытокъ раздать нищимъ, употребить на дѣло благотворенія, на дѣло образованія и т. под.—Не такъ ли бы и мы рассуждали, если бы видѣли на вечери жену, безъ пользы разливающую драгоценное мѣро? Это рассужденіе совершенно въ духѣ нашего времени, и если мы не пристаемъ къ нему, то потому, что знаемъ, что въ евангельской исторіи не одобрилъ его нашъ Господь и Спаситель, и потому, что открыто намъ, что это рассужденіе принадлежитъ Іудѣ, предателю своего Учителя. А быть похожимъ на Іуду Искаріотскаго кто захочетъ изъ насъ? Это имя слишкомъ ненавистно для христіанскаго слуха.

Между тѣмъ отвлечемъ вниманіе отъ евангельскаго случая, и обратимъ свои взоры кругомъ себя на нашу обыденную движущуюся жизнь. Тамъ и сямъ не слышится ли сужденій, напоминающихъ собою сужденія Іуды? Одни выражаютъ сожалѣніе о томъ, какъ много народъ и его богатство теряетъ отъ того, что у насъ много праздниковъ, въ которые церковь приглашаетъ вѣрныхъ сыновъ своихъ заняться своею душою и удовлетвореніемъ ея высшихъ потребностей. Другіе считаютъ

неразуміемъ, когда благочестивая душа, по движенію благоговѣйнаго чувства, удѣляетъ часть отъ избытковъ своихъ на украшеніе храма и благолѣпіе дома Божія, и такія жертвы готовы встрѣчать словомъ укоризны и даже негодованія. Третья самое дѣло благотворенія нищимъ представляютъ поощреніемъ праздному тунеядству. Четвертые.... Но за чѣмъ намъ приводить примѣры корыстныхъ сужденій изъ чужаго опыта, когда въ своемъ сердцѣ мы можемъ ощущать вѣяніе того любостажательнаго духа, который умѣлъ найти себѣ доступъ даже въ святое общество учениковъ Христовыхъ. Скажите, изъ-за чего мы болѣе всего суетимся, если не изъ-за корысти? Чѣмъ болѣе всего тревожимся, какъ не назойливыми заботами о пріобрѣтеніяхъ, какъ не опасеніями за цѣлость нашихъ пріобрѣтеній? Настаетъ утро,—открывается работа собиранія, поднимается трудъ, и корысть является здѣсь, чтобы поддержать бодрость и энергію трудящихся, чтобы въ матеріальномъ прибыткѣ указать награду и цѣль труда. Куда мы ни поидемъ, за нами неотступно слѣдуетъ духъ разчета, возбуждающій въ насъ жажду въ пріобрѣтеніяхъ.

Откуда это въ насъ?

Вы укажете на волю и побужденія самой природы нашей, на то естественное стремленіе, которое на ученomъ языкѣ называется инстинктомъ, по которому каждый день послѣ воссіянія солнца, все живущее,—и птицы и звѣри идутъ добывать пищу себѣ, и которому вмѣстѣ со всѣмъ живущимъ подчиненъ и властелинъ природы—человѣкъ. Вы укажете на требованія человѣческаго благоразумія, которое заставляетъ насъ помышлять о будущемъ и запасать деньги на черные дни, и которое не должно отдавать внѣшнее благополучіе человѣка на волю капризнаго случая и слѣпыхъ обстоятельствъ. Вы сошлетесь на сложившійся съ годами порядокъ жизни, на дороговизну содержанія, готовую возвышаться съ каждымъ

днемъ, на усложняющія трудности приобрѣтенія необходимаго для удовлетворенія нуждъ самыхъ насущныхъ и неотложныхъ, на необходимость жить, одѣваться и держать себя въ обществѣ прилично своему званію и въ соотвѣтствіе современному вкусу, который имѣеть для насъ обязательную силу закона.

Всѣ эти представленія имѣють свою цѣну. Указанныя сойчасъ причины любостыжательныхъ стремленій, нами овладѣвающихъ (вистинеть природы, голосъ благоразумія и тяжела обстоятельство современнаго склада жизни),—не могутъ не производить на насъ своего дѣйствія. Въ нихъ дѣйствительно корень, изъ котораго вырастають тысячи нашихъ суетливыхъ и корыстныхъ заботъ. И было бы жесткимъ и, можетъ быть, несправедливымъ судомъ, если бы мы, отъ лица церкви, призывали грозныя прещенія на людей за подчиненіе дѣйствію причинъ, не нашею волею созданныхъ. Но мы просимъ насъ вмѣстѣ съ нами поближе присмотрѣться къ тѣмъ силамъ, которымъ мы работаемъ, и которыя заставляютъ насъ изо дня въ день служить корысти.

Человѣкъ слѣдуетъ влеченію природы, когда ищетъ приобрѣтений, обезпечивающихъ его существованіе. Но ужели наша безсмертная душа такъ создана, что ей суждено вѣкъ хлопотать изъ-за хлѣба и изъ-за денегъ, въ которыхъ сосредоточиваются наши приобрѣтенія? Правда, человѣкъ призванъ на трудъ, и тяжелымъ трудомъ долженъ поддерживать себя. Этотъ долгъ указанъ человѣку еще въ лицѣ нашего общаго прародителя, которому послѣ грѣхопаденія сказано Создателемъ непреложное слово: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печальхъ снѣси тую вся дни живота твоего.. Въ потъ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши ся въ землю, отъ неяже взятъ еси* (Быт. III, 17. 19). Со времени изреченія этого приговора трудится человѣкъ для добыванія себѣ хлѣба и въ полѣ и въ морѣ, и въ городѣ и

въ селахъ, и дома, и на улицахъ и торжищахъ. Но вѣдь это не исконый порядокъ нашей жизни; это стремленіе не вложено съ неба въ нашу душу; его не было въ томъ дуновеніи, которое Богъ сообщалъ персти земной, когда творилъ человекъ въ душу живу. Это проклятіе, постигшее насъ за наше грѣхопаденіе, за уклоненіе наше отъ перваго пути блаженства, намъ предуказаннаго. Безропотно должны мы нести приговоръ правды Божіей; но исполненіе наказанія дѣлать главнымъ своимъ стремленіемъ, въ немъ полагать послѣднюю мѣру своихъ желаній и свое существенное благо—это недостойно небесной души нашей. Проклятіе ко всѣмъ относится; но люди высшаго призванія, люди, думающіе объ улучшеніи и возвышеніи своего жребія, умѣютъ побуждать въ себѣ силу, притягивающую и сдвигаящую къ землѣ духъ нашъ. Намъ указана забота о необходимомъ; хлѣба насущнаго и на настоящій день заповѣдано намъ просить у Отца небеснаго. Но кто изъ насъ довольствуется необходимымъ? Кто поэтому не расширяетъ хлопотливыхъ заботъ, какими связана наша прарода послѣ грѣхопаденія, до размѣровъ, далеко превышающихъ степень наказанія, наложеннаго на насъ въ Эдемѣ? Не лучше ли намъ, чѣмъ увлекаться безповойнымъ духомъ стяжанія, полагаться на волю Провидѣнія, неусыпно бдящаго надъ нами? Оно надежнѣе обезпечиваетъ насъ, чѣмъ можемъ обезпечить мы себя своими нескончаемыми заботами. Намъ необходима пища и питіе; нужна одежда. Припомните, что говорилъ Спаситель и Гробождъ нашъ по поводу нашей заботливости о тѣлѣ своемъ. *Воззрите на птицы небесныя (говорилъ Онъ), яко не стуютъ, ни окнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучши ихъ есте? Кто же отъ васъ некійся можетъ приложить возрасту своему лакоть едины? И о одежди что печетеса? Смотрите крикъ сѣльныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ.*

Слова о известности...

Главою же вамъ, яко ты Соломонъ во всей славе своей облеченъ, яко единъ оиъ силъ. Аще же сию сельное, днесь суиъ и уириъ въ пеицъ вметаетмо, Баиъ тако одъваетъ, не много ли паче васъ, маловири? Не пеицтеся убо, славоиоще: что ямы или что тидъ, или чимъ одеждемъ? Всплхъ бо силъ язицы ииуиуиъ: етътъ бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете силъ оептъ (Матѳ. VI, 27—32).

Сильно и утѣшительно это слово нашего Господа. Но наша боязливая мнительность не успокоивается на такихъ представленияхъ. Житейская мудрость влечетъ насъ на путь приобритеній, могущихъ спасти насъ отъ лишеній въ тяжелые дни и доставить намъ много полезнаго и пріятнаго въ жизни. А тайный голосъ сердца шепчетъ намъ: „для того вы и возвышены надъ животными, для того и отличены разумомъ, чтобы въ жизни своей не довряться случаю, а бережливе и тверже устроить свое благосостояніе“. И вотъ, за удовлетвореніемъ злости настоящаго дня, начинается безпокойное помеченіе о завтрешнемъ днѣ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей является забота объ обезпеченіи семейства, дѣтей и потомковъ. Человѣкъ вступаетъ на скольскую дорогу, а стѣбитъ разъ вступить на нее, духъ стяжанія съ неудержимою силою увлечетъ насъ по ней въ непроглядную даль. Это тѣмъ удобнѣе въ настоящее время, что вокругъ насъ слишвомъ много соблазнительныхъ средствъ къ быстрому обогащенію. Одне подлѣ другаго стоятъ съ ежедневно открытыми дверями благодѣтельная казнохранилища, въ которыя одни несутъ своя капиталы для болѣе высокаго роста, и изъ которыхъ другіе свободною рукою берутъ ихъ для предиріатій, общающихся имъ заманчивыя прибыли. Безъ собственныхъ денегъ нынѣ можно строить громадныя палаты, доходы съ которыхъ, по расчетамъ строителей, не только покрюютъ долгъ, на нихъ употребленный, но и дадутъ обильныя средства для роскошной жизни. Съ каждымъ

годомъ возникаютъ новыя товарищества для строенія заводовъ, путей сообщенія и другихъ доходныхъ статей, приглашающія къ участию ищущихъ обогащенія и общающія громадные барыши отъ своихъ предпріятій.

Мы не осуждаемъ добрыхъ учрежденій, создаваемыхъ усердіемъ къ благу общественному. Но лихорадочная дѣятельность, открывающаяся на углаженномъ пути къ стяжаніямъ, требуетъ удержанія и вызываетъ слово предостереженія; и мы скажемъ его не отъ себя, а отъ имени Господа и Спасителя нашего: *не пещитесь ни утрей; утреній бо собою печется: доволтъ днесь злоба ея* (Матѳ. VI, 34). То, что дѣлается и предпринимается по мудрому расчету человѣческому, часто оказывается, по испытаніи временемъ, очень неразумнымъ. Заманчивые проекты и предпріятія, по видимому, самыя основательныя часто лопаются, какъ мыльный пузырь, и въ концѣ своемъ ничего не оставляютъ, кромѣ напрасной траты и глубокаго разочарованія. *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудитася зждущіи* (Псал. CXXVI, 1). Это священное слово нужно помнить всѣмъ, приступающимъ къ исполненію какихъ либо выгодныхъ предпріятій. Они сулятъ себѣ золотыя горы, и на счетъ ожидаемыхъ благъ отягощаютъ себя крупными долгами. Но проходитъ время,—долги растутъ и осязательнѣе даютъ чувствовать свою силу, чѣмъ воображаемыя блага. Подъ тяжестію ноши, образуемой изъ нихъ, часто предпринимчивый человѣкъ падаетъ, не достигши земли обѣтованія. И вотъ на нашихъ глазахъ одни трудятся, а другіе входятъ въ ихъ трудъ или пользуются его плодами, одни строятъ домъ, а другіе живутъ въ немъ. Но если и удача уѣнчиваетъ ваши предпріятія, не спѣшите ликовать. Вамъ извѣстна притча Спасителя о томъ, какъ у одного богатаго человѣка былъ отличный урожай въ полѣ, и какъ онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? куда собрать плоды мов? Онъ рѣшилъ: сломаю

житвицы мои и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все доброе мое, и скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: почивай, ѣшь, пей и веселись! Но что было концомъ такихъ расчетовъ? Богъ сказалъ богатому: *безумне, въ сію ночь душу твою истляжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. XII, 16--20)? Примѣръ разительный! Но подобные ему могутъ встрѣчаться постоянно, и вы можете видѣть ихъ и въ средѣ, близкой къ намъ. Иной всѣ силы своего ума и своей изворотливости прилагаетъ къ тому, чтобы нажить и скопить себѣ большое состояніе. Труды его увѣнчаны успѣхомъ: онъ владѣлецъ сотенъ тысячъ, если не милліоновъ. Оставалось ему сказать душѣ своей: почивай, ѣшь, пей и веселись! Но въ это время надрывается его здоровье; рядомъ съ девольствомъ, возбуждающимъ зависть въ сверстникахъ, вторгается къ нему неизлѣлимая болѣзнь, и жизнь ему становится не въ радость, а въ тягость. А что собралъ онъ, кому то останется? Останется дѣтямъ, которые будутъ наслаждаться плодами родительскихъ стяжаній? Да, забота о дѣтяхъ священная обязанность родителей. Но не обольщайте себя тѣмъ, что деньгами можно составить ихъ благосостояніе. Если хотите ихъ сдѣлать счастливыми, обогащайте ихъ не деньгами, а добрыми правилами жизни и честными нравами; не собирайте имъ тяжелого наслѣдства, а давайте имъ твердое религиозное воспитаніе. Довольство и благо наше не зависятъ отъ обилія имѣній, а отъ чистоты души и безупречной жизни. Иногда скучаютъ и тяготятся живнію чинѣ и олуженные всю полнотою внѣшняго довольства. Богатое наслѣдство—огонь, отъ котораго часто возгарается пожаръ, уничтожающій семейное благо. Не видимъ ли мы, что оно сѣетъ непримиримую вражду въ честныхъ семействахъ, прежде отличавшихся согласіемъ? Не видимъ ли мы, какъ оно изподъ тихаго домашняго крова прогоняетъ миръ и любовь, и

вооружаетъ другъ противъ друга братьевъ и сестеръ, родителей и дѣтей, и наперекоръ законамъ природы влечить ихъ на судилище, для восстановления нарушенныхъ отношеній между кровными родственниками?

При объясненіи и оправданіи стяжательныхъ стремленій, овладѣвшихъ нашимъ поколѣніемъ, съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на непоумѣренную дороговизну содержанія въ наше время. На нашихъ глазахъ въ какіе нибудь пять, десять лѣтъ цѣны на всѣ предметы, относящіяся къ домашнему обиходу, возвысились вдвое, втрое противъ прежняго. Для пріобрѣтенія необходимаго въ жизни намъ нужно гораздо больше того, чѣмъ довольствовались наши отцы и дѣти. Что прежде считалось капиталомъ, достаточнымъ для роскошной жизни, то нынѣ сдѣлалось малостію, исчезающею въ крупныхъ расходахъ. Въ виду этого, мы всѣ съ усиленными заботами хлопочемъ объ увеличеніи своихъ жизненныхъ средствъ.

Но дороговизна жизни только предлогъ въ оправданію любостяжательныхъ стремленій, а не законная причина ихъ: въ существѣ дѣла она вещь не страшная. Мы дороже стали платить за все, за то дороже и больше стали получать за все,— за трудъ, за свои работы и произведенія. Бѣльшіе этого нашихъ расходовъ уравниваются большими суммами нашихъ доходовъ, такъ что въ дороговизнѣ нѣтъ справедливаго повода къ усиленію нашей стяжательности.

Но вы не находите возможнымъ, при нынѣшней дороговизнѣ, соблюсти желаемое равновѣсіе между доходами и расходами. Хотите,—мы укажемъ средство къ тому, которое сдѣлаетъ для васъ не такъ чувствительною всѣхъ тяготящую дороговизну, и напередъ ручаемся за дѣйствительность этого средства? Ручаемся потому, что это средство предлагается не нашею малоопытностію, а заботливою мудростію церкви. Это средство—умѣренность и ограниченіе нашихъ желаній. Умѣрьте

свои желанія, ограничьте свои потребности, и васъ не будетъ страшить дороговизна, и вы будете довольны тѣмъ, что дано вамъ. У васъ прежде въ столѣ было четыре блюда, теперь довольствуйтесь тремя; если было три, ограничьте двумя. Вы прежде могли носить одежду изъ шелка и бархата, теперь одѣвайтесь холстомъ и льномъ. Вы прежде часто давали роскошные пиры и вечера, теперь откажитесь отъ этого удовольствія, или по крайней мѣрѣ рѣже позволяйте себѣ подобныя расходы. Вы прежде считали нужнымъ хотя изрѣдка посѣщать мѣста общественныхъ увеселеній: въ чему теперь эта роскошь, когда такъ многого требуетъ удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей? Не правда-ли, что въ этомъ средствѣ есть дѣйствительное лекарство противъ дороговизны?—Но намъ, скажете вы, нельзя отставать отъ другихъ: нужно жить такъ, какъ другіе живутъ... Зачѣмъ слѣпо, во вреду себѣ, увлекаться чужимъ примѣромъ? Покажите, соблюдайте свою самостоятельность, достойную человѣка съ волею и характеромъ. Можетъ быть, другіе, которымъ вы силитесь подражать, располагаютъ большими средствами, чѣмъ вы. А если нѣтъ, то слушайтесь своего разсудка, а не слѣдуйте чужой неравсчетливости. Скорѣе покажите добрый примѣръ другимъ, чѣмъ сами слѣдуйте разорительнымъ примѣрамъ. Кому же нибуду нужно стать на пути благоразумія, и повѣрьте, никто не осудитъ васъ, если будете жить по разсчету благоразумія, а не по слѣпому увлеченію. Напротивъ, вашъ примѣръ можетъ быть возбуждательнымъ и назидательнымъ урокомъ для другихъ, и имъ вы тогда не себѣ только принесете благо, но и ближнему своему, и заслужите благодарность, а не осужденіе.

Мы опасаемся, что совѣтъ умѣренности и воздержанія, предлагаемый жалующимся на дороговизну, покажется неудобопріемлемымъ для васъ. Всѣми нами овладѣла страсть къ наслажденіямъ, и въ существѣ дѣла не дороговизна, а всѣми

охлаждаемая, а эта страсть въ наслажденіяхъ возбуждаетъ въ насъ духъ стяжательности. Матеріальныя удобства, какими наше изобрѣтательное время оставило нашу жизнь, раздражали нашу чувственность. Разнообразныя удовольствія, открытыя на всѣхъ путяхъ, манятъ въ себѣ не одну пылкую юность. Всеобщая мода создаетъ и выставляетъ на показъ ослепительные предметы роскоши въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ и т. под. Вездѣ висятъ плоды древа, добрые для свѣдей, пріятные для глазъ, очаровательные для души. И не одна Ева,—мы веѣ, и безъ пособія змія искусителя, простираемъ къ нимъ руки, и вкушаемъ отъ плода запрещеннаго, не для насъ, не для нашихъ средствъ предназначеннаго. Изысканныя наряды, модныя уборы нынѣ видны даже среди слугъ. Дорогая мебель, шелковыя и бархатныя одежды являются и тамъ, гдѣ нужда заставляетъ рассчитывать каждую копѣйку. И вотъ, вслѣдствіе обращенія нашего къ запретнымъ предметамъ роскоши, открываεται наша нагота или наша недостаточность, сознаніе которой гораздо больше мучитъ насъ, чѣмъ сколько наслажденія получаемъ мы отъ плода запрещеннаго. Отъ этой-то страсти къ наслажденіямъ происходитъ та странность, какая не можетъ не бросаться въ глаза внимательному наблюдателю: всѣ, отъ мала до велика, жалуются на недостатокъ средствъ, а между тѣмъ мѣста увеселеній, которыхъ нынѣ гораздо больше, чѣмъ прежде, постоянно полны, не смотря на дорогую плату, ими собираемую; говорятъ, что недостаетъ средствъ на необходимыя потребности, а между тѣмъ тратятъ многіе десятки, если не цѣлыя сотни, на одежды или головные уборы, въ которыхъ располагаютъ показаться только разъ или два, или устрояютъ пышныя цыры съ заморскими блюдами и винами, истощающіе богатство, довольное для себѣднаго существованія семейства въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Признаки нашего времени, полнаго матеріальныхъ удобствъ

и наслажденью; пробуждаютъ въ насъ воднопитанія, вызывающія и *алчущее* и особенную, ослепительность. Когда-то, предъ концомъ древняго міра, при всемірномъ владычествѣ Рима, также, какъ и нынѣ, развитіе матеріальныхъ удобствъ достигло необыкновенныхъ предѣловъ. Каменные дороги, водопроводы, каналы, чудные мосты являлись всюду, куда ступала нога гражданина въянного города. Воздвигались великолѣпныя зданія, не только общественныя но и частныя; въ зданіяхъ блестящаго убраненія изъ золота и слоновой кости; своды покрывались дорогими фресками; мебель и столовые приборы изъ мрамора, золота, серебра и слоновой кости. Въ одеждахъ пурпурныя тѣла, часто съ изображеніями цѣлыкъ исторій, и драгоценныя каменя. На столахъ яства, привезенныя изъ далекихъ странъ, собранныя со всѣхъ царствъ природы. Всюду роскошь, всюду наслажденія, требовавшія безмѣрнаго напряженія денежныхъ средствъ у всѣхъ, гонявшихся за этими наслажденіями. Искусство жить доведено было до такой степени, какой не могло и представить воображеніе людей, умершихъ въ пору большей простоты житейской. Между тѣмъ, когда всѣ готовы были пить изъ открытой чаши наслажденій, и для удовлетворенія прихотямъ роскоши дѣлать усилія къ собиранію денежныхъ средствъ, погруженіе въ матеріальныя наслажденія потопило въ нихъ духъ съ его строгими законами, съ его высочими потребностями, и для исторіи въ вѣкъ необычайнаго внѣшняго преуспѣянія открылось зрѣлище безпримѣрнаго падевія человѣческаго. Попраніе религіи, униженіе цѣломудреннаго чувства нравственнаго, развращеніе нравовъ, при полномъ ослабленіи семейныхъ связей, дошедшее до чудовищныхъ размѣровъ—все это совершенно измѣняло видъ картины и набрасывало на нее мрачную тѣнь; все это, свидѣтельствуя объ одичаніи духа, было знаменіемъ разстройства общественной жизни, не предвѣщавшимъ ничего добраго въ

будущемъ. Если есть въ исторіи опасные примѣры униженія и гибели народа среди полнаго развитія матеріальныхъ наслажденій, тѣмъ съ большею осторожностію мы должны блюсти надъ собою, чтобы среди развитія житейскихъ удобствъ и множества наслажденій, предлагаемыхъ нашимъ временемъ, цѣлымъ сохранить свой духъ и его нравственное чувство, обращенное къ Богу и добродѣтели. Воздержаніе и ограниченіе своей чувственности съ ея прихотями—первое средство, къ какому въ томъ случаѣ мы можемъ прибѣгнуть. Проповѣдь объ умѣренности и воздержаніи слышалась и среди утонченнаго и роскошнаго древняго міра. Не послушалъ онъ этой проповѣди и приготовилъ себѣ гибель и отверженіе. Аминь.

В. Пшоникій.
